

Психологический комментарий К. Г. Юнга

Прежде чем приступить к комментарию*, необходимо сказать несколько слов о самой книге. «Тибетская Книга мертвых» («Бардо Тхёдол») — это сборник наставлений, предназначенных умирающему и умершему. Подобно «Египетской книге мертвых», она служит путеводителем по области *Бардо*, символически представленной как промежуточное состояние между смертью и новым рождением продолжительностью в 49 дней. Книга состоит из трех частей. В первой («Чигай Бардо») описаны психические явления в момент смерти; во второй

---

* Перевод из книги «Собрание сочинений К. Юнга, том 11: Психология и религия: Запад и Восток» (Collected Works of C. G. Jung, Volume 11: Psychology and Religion: West and East).

(«Ченид Бардо») — состояние сразу после смерти и так называемые «кармические видения»; в третьей («Сидпа Бардо») — возникновение инстинкта рождения и явления, предшествующие новому рождению. Согласно «Книге мертвых» высшая степень понимания и просветления, а значит — максимальная возможность освобождения — достигается человеком в момент смерти. Вскоре после нее возникают «видения», которые в конечном итоге приводят к новому рождению, причем изначальный ослепительный свет постепенно тускнеет и дробится, а видения становятся все более жуткими. Такое нисхождение поясняет отчуждение сознания от освобождающей истины по мере приближения к моменту физического рождения. Наставления «Книги мертвых», которые лама читает над мертвым телом, предназначены для того, чтобы на каждом этапе новых иллюзий и заблуждений напоминать умершему о постоянной возможности освобождения и объяснять природу его видений.

Значение
«Бардо
Тхёдол»

«Бардо Тхёдол», появившаяся в англоязычных странах в 1927 году и удачно названная ее издателем В. Эванс-Вентцем «Тибетской Книгой мертвых», вызвала настоящую сенсацию. Она принадлежит к разряду тех книг, которые представляют интерес не только для специалистов-буддологов; своей человечностью и глубоким проникновением в тайны человеческой души она особо привлекает внимание непрофессионала, жаждущего расширить свои знания о жизни. Со времени появления в Европе «Книга мертвых» была моим постоянным спутником — ей я обязан не только важными идеями и открытиями, но и своими глубочайшими прозрениями. В отличие от «Египетской книги мертвых», которая говорит одновременно слишком много и слишком мало, «Бардо Тхёдол» представляет собой вполне умопостигаемое учение, имеющее в виду не богов или дикарей, а самых обычных людей. И «гневные», и «мирные» божеества понимаются в нем как сансарические

проекции человеческой души, что просвещенному европейцу кажется очевидным, поскольку напоминает его собственные банальные построения. Но хотя европеец с легкостью может счесть эти божества проекциями, он совершенно не способен одновременно говорить об их реальности. «Книга мертвых» делает именно это, благодаря важнейшим своим метафизическим предпосылкам, чего не может просвещенный и непросвещенный европеец. «Книга мертвых» исходит из неявного допущения антиномичности любых метафизических утверждений, а также из идеи качественного своеобразия разных уровней сознания и обусловленных ими метафизических реальностей. В основу этой удивительной книги положено не скудное европейское «или — или», а величественное и утверждающее «и — и». Эта формула может показаться западному сознанию спорной, поскольку Запад предпочитает ясность и недвусмысленность, что позволяет одному мыслителю рьяно

признавать существование Бога, а другому с наименьшей категоричностью его отрицать. Интересно, как отнеслись бы эти враждующие собратья к следующему высказыванию: «Осознав, что пустота твоего разума есть состояние Будды, и рассматривая ее как свое собственное сознание, ты достигнешь состояния Божественного Разума Будды?»

Боюсь, что такого рода высказывания совершенно неприемлемы ни для философии, ни для богословия Запада. «Книга мертвых» в высшей степени психологична, в то время как наша философия и богословие до сих пор пребывают на средневековом, допсихологическом уровне, на котором допускается выслушивать, объяснять, защищать, критиковать и обсуждать только отдельные высказывания, но не лежащие в их основе догмы, выносящиеся за пределы всякого обсуждения.

Вместе с тем понятно, что любые метафизические утверждения — это высказывания души, и следовательно —

психологические высказывания. Европейскому сознанию, компенсирующему свое знаменитое чувство ущемленности рабской привязанностью к «рациональным» объяснениям, эта очевидная истина кажется или слишком очевидной, или недопустимым отрицанием метафизической «истины». Всякий раз, когда европеец слышит слово «психологический», он воспринимает его как «только психологический». «Душа» кажется ему чем-то ничтожно малым, недостойным внимания, субъективным, сугубо личным и т. д., и т. п., поэтому он предпочитает слово «разум» и любое свое суждение — сколь бы субъективным оно ни было — склонен относить на счет «разума», подразумевая при этом «Универсальный Разум» и даже «Абсолют». Вероятно, эта удивительная самонадеянность служит для униженной «души» своеобразной компенсацией. А. Франс верно уловил суть западной цивилизации словами Екатерины Александрийской из «Острова пингвинов»,

которая советует Богу: «Дай им душу, только крошечную!»

Именно душа, наделенная божественной творческой энергией, делает метафизические утверждения и устанавливает различия между метафизическими понятиями. Душа — не только условие метафизической реальности, но и сама реальность.

С этой глубокой психологической истины и начинается «Книга мертвых». Она — не описание погребального обряда, а система наставлений для умершего, путеводитель по области Бардо с ее меняющимися видениями, среди которых душа пребывает в течение 49 дней с момента смерти человека до его нового рождения. Если читатели «Книги мертвых» будут исходить из вневременности души — что на Востоке считается самоочевидным, — они смогут без труда поставить себя на место умершего и внимательно прислушаться к поучениям, с которых начинается книга и представление о которых дает

приведенная выше цитата. И тогда ничуть не самонадеянно, но смиренно прозвучат слова: «О благороднорожденный, слушай! Сейчас ты созерцаешь Сияние Чистого Света Совершенной Реальности. Познай его. О благороднорожденный, твой разум пуст, он лишен формы, свойств, признаков, цвета; он пуст — это сама Реальность, Всеблагость. Твой разум пуст, но это не пустота Небытия, а разум как таковой — свободный, сияющий, трепещущий, блаженный; это само Сознание, Всеблагой Будда».

Осознание этого — есть состояние абсолютной просветленности, Дхарма-Кайя; или, прибегая к знакомому нам языку, творческая основа всех метафизических рассуждений — само сознание, незримое, неуловимое проявление души. «Пустота» — есть состояние за пределами каких бы то ни было суждений или утверждений, однако вся полнота ее многообразных проявлений скрытно пребывает в душе.

Далее в «Книге мертвых» говорится: «Твое сознание, сияющее, пустое, неотделимо от Великого Источника Света: оно не рождается и не умирает, оно — Немеркнущий Свет, Будда Амитаба».

Душа (или индивидуальное сознание) не только не ничтожна, но она и есть Сияющее Божество. Запад или считает такое заявление опасным (а то и просто богохульным), или бездумно принимает его, страдая впоследствии от теософской инфляции. В этом вопросе мы всегда умудряемся занять неверную позицию. Но если бы нам удалось преодолеть себя и избежать своей главной ошибки — постоянного желания что-то делать с вещами, находить им практическое применение, — возможно, тогда нам удалось бы усвоить тот важный урок, который дает «Книга мертвых» (или, по крайней мере, осознать ее величие): она открывает умирающему глубочайшую истину, согласно которой даже боги есть не что иное, как сияние и отражение нашей собственной души.

Солнце на Востоке не меркнет, как померещилось бы христианину, у которого «похитили» Бога; напротив, человеческая душа оказывается светом Божества, а Божество — душой. Восток с большей легкостью принимает этот парадокс, чем, скажем, Ангел Силезский, психологичность которого обогнала даже наше время.

«Книга мертвых» говорит о первичности души, что крайне важно, ибо это единственное, в чем жизнь нас не убеждает. Наша жизнь настолько переполнена вещами, теснящими и подавляющими нас, что, окруженные ими как «данностями», мы не находим времени поразмыслить: кем же они «даны»? Умерший освобождается от мира «данностей»; цель поучений «Книги мертвых» — помочь его освобождению. Если при чтении книги нам удастся поставить себя на место умершего, нас ожидает не меньшая, чем его, награда: с первых же строк мы узнаем, что «податель» всего «данного» пребывает внутри нас. Эта истина, вопреки всей очевид-

ности ее проявлений как в великом, так и в малом, нам неизвестна, хотя знать ее жизненно необходимо. Конечно, такое знание годится только созерцателям, жаждущим постичь смысл существования, гностикам по темпераменту, верящим в спасение через «познание жизни». Для того, чтобы увидеть мир как «данный» сущностью нашей души, необходим коренной переворот в мировоззрении, требующий немалых жертв. Представление о том, что все происходит «для меня», более непосредственно и впечатляюще (и потому более убедительно), нежели мысль о том, что все происходит «из меня». Действительно, животная природа человека не позволяет ему видеть в себе творца своих обстоятельств. Вот почему любые попытки такого рода становились предметом тайных посвящений, которые обычно достигали своего апогея в символической смерти посвящаемого, долженствующей указать на необратимый характер происшедшего изменения.